

Светлана Леонтьева

Светлана Леонтьева – член Союза писателей России, дипломант национальной премии «Золотое перо Руси», «Созвездие духовности», «Бриллиантовый Дюк», фестиваля «Интеллигентный сезон», лауреат премий: «Уральские горы», «Лучшие строфы столетия», «Литературный глобус», главный редактор альманаха «Третья столица», автор 33 книг прозы и поэзии.

МИРОВАЯ СЕСТРИНСКАЯ БАЛЛАДА

1.

Матерь Божья, человечья мать, управь!
Это же так просто: оступившихся вернуть
на место.
Всех, кто по земле, посуху, пусть вернутся вплавь.
Всем – икону.
Всем – оберег.
Всем – крестик.
Мне все нужны. Все необходимы.
Все с красной строки.
Любой. Даже сегодняшней. Даже вчерашняя.
Ты особенно вот эту дудочку сбереги.
На коленях прошу пред всеобщей чашею.
Матерь Божья, ты знаешь, как терять сыновей,
как сквозь толпу женщин, калек и разбойников
пробираться к нему, как касаться гвоздей,
что в ладонях у Сына. Как всхлипывать:
– Родненький...
Как же не доглядела? Сбереечь не смогла
от войны, от безумства, от пьянства, наркотиков?
Слишком слаб даже сильный.
Разверзлись, вся мгла!
Свет, разверзлись! И холод, мороз – до тепла!
Это жизнь. Это смерть. Не экзотика.
Невозможно не помнить мне то, что люблю.
Невозможно обуглить, отъять по нулю.
Это больно. Так больно – как родина!
Отчего не кричала ты: я не отдам?
Отчего, припадая к рукам и стопам,
не понять мне... А люди толпятся, сквозь гам,
и сквозь шум, и сквозь гул пробираются к нам.
Матерь Божья, управь. Я прошу!
...лишь мелодия
надо мной. Предо мной. Посмотри мне в глаза.
Докричись до меня. Не молчи, не молчи.
Мне так много, так много мне надо сказать,
надо выдышать крик весь до края почты.

2.

Пусть я – худшая твоя сестра,
пусть мертворождённая, пусть злая
или добрая. Не молода – стара.
Но из всех последних сил я обнимаю!
Не руками, ибо из Венер
я Милосских, каменных, безруких,
безязыких, убранных из сфер
социальных в чёрном списке, круге.
У тебя, виновной, я ищу
сколько лет прощенье – век ли, два ли?
Но за эти земли умирали,
если б можно, чтоб перерождали,
пересотворяли, возвращали.
Ты же – как подросток: розов, щупл.
Плечи, кости, рёбра, что скрывать –
и родные, тёплые ключицы.
Да, я – худшая твоя сестра,
хуже самых худших – зверя, птицы,
хуже камня, дерева, травы!
Проспала я и не доглядела,
как ушла ты,
выпорхнула смело,
плюнула и – настезь дверь! Увы!
Библией клянусь! Звала! С виска
кровь смывала, что была горька.
Библия вся снята с языка,
вырвана!
Ты мне:
– Пока, пока!
Хочешь, я признаю, вот те – свет.
Ты – кричащий.
Я – вся крик – поэт?
Хочешь, смерть бери. А хочешь, жизнь!
Лишь вернись!

3.

Стелила тебе бы цветами увитыми,
простором, лесами, где прёт в дождик груздь.
Да хоть ко врагам, хоть иди к кришнаитам,
сестра, от тебя – бей – но не отрекусь.

Хоть деньги проси и кидай, как обманщик,
хоть сердце проси, на! Даю. Пусть стучит.
Здесь в Питере рядом играет шарманщик,
здесь в нижегородчине бьются ручьи.

О сёстры мои! Та, что зло мне сказала:
– Ты – немощь, дурындыха, шмара, волчара.
Другая сестра отвернулась сначала,
да мне и не надо ватрушек, нектара.
Свои я отдам куличи, калачи.
София, молчи!

Всё знаю, про сшибки, про гром, грозы, тени,
про впадины я марсианские знаю,
но всё же, но всё же молю на коленях,
ну что ж проблукала ты в трёх соснах с краю?

По этим мощёным, как день, революциям?
Да, кстати, не надо, «мы наш новый строим»,
а там, где двустволки, винчестеры, штуцеры,
всегда много боли, ранений и крови.

Нет, я – не в штыки. До штыков ли, сестрица?
Понять я хочу города все, столицы,
твои все дороги, пути, километры,
моя глубина – это небо и ветры,
но даже оттуда, да, лучше оттуда
кричать я, вопить тебе буду:

«Прости, мя
за то, что тебе не смогла стать святыней,
и полем пшеницы, и речкой, и чудом!

4.

Все сёстры вы мне! Ярославна – чьи слёзы
со щёк утираю своих я ладонью.
Все сёстры мне – ивы, калины, берёзы,
все сёстры, рожать те, кто будут в роддоме,
под небом, под звёздами – Танечки, Тони.
Цветаеву будем читать на балконе,
Ахматовой грезить строкой обоженной.

Сестра!
Для объятья я – не для распятья,
хоть вскинула руки, где крест и Голгофа!
Я всё отдала, что могла тебе дать я –

жизнь, смерть, смыслы, дом! А тебе разве плохо?
Всё, родины кроме!
Кричишь: на – мой город!
Здесь жарят каштаны на белых аллеях.
На – город горящий.
На – город, что смолот.
Как будто спасёт, кто не спасся, жалея.

5.

А может, твоя я – духовная дочь,
бессилье твоё или сила?
Ты мимо прошла оттого, что всё – ночь.
Прошла. И не покормила.
В слезах я, разбитая, сердце по швам...
Духовная дочь я, сестра ли.
Но я не предаю, никогда не предаю,
как все меня предавали.
И как разжигали на дровнях костёр,
высокий такой, горячий.
И мне ты, мне – брату! – кричала:
– Позор!
И мне ты, мне – матери! – выла:
– Ты – вор!
Ты дура, из злобных, мол, мачех!
– Сестрица! – я плакала! – Ты мне сестра!
Ползла. Умоляла. Молила.
Я снова тянулась. Несла на-гора
свой дух. Свою нежную силу.
И всё же в костёр мне! И всё же пора!
Сгорают все платья и бусы,
накидки все, юбки и все свитера,
и все отречения – трижды! – Петра,
и памяти от Златоуста.
Во мне не осталось уже ничего.
Во мне Трои нет. Карфагена.
Безумство!
Безумство!
Нет стран, хрящевой
нет ткани. Нет птиц. Стариков. Огнево
во мне чумово, техногенно.
Во мне Фокусимно.
Все мимо. Всё мимо...
Я – дух земли! К сыну
тянусь и бросаю под ноги я тело.
Сгоревшее. Пеплами с глиною белой.
Я – пепел. Духовный твой! Жаркий я уголь.
Я больше, чем друг, чем товарищ, подруга, –
я дымная змейка. Пух млечный я солнца.
То, что не убито. Но рядом толчётся.
Не гнётся.
Не рвётся.
Смеётся. Лучится.
Растёртое. Словно журавлик-синица.

Роднее нет тебя, сестра! Граница с краю.
А далее обрыв. Наверно, Польша.
Я без тебя живу, как умираю,
где небо, космос, говорят, что там дыра, и
она черным-черна, и угол скошен.

Мне без тебя безлюдно при народе,
мне без тебя нелюбо, хоть любима.
Иной нет родины у нас. Мне горло сводит
от жалости, от горести, от дыма
отчества! Как сохранить мне пепел?
Как обрести обратно пепелище?
Сестра моя! Шепчу твоё я имя,
кричу навзрыд: вот Васнецов, вот Репин,
и в поле, к травам, птицам, корневищам!

Ты отвечаешь на моём – и нет святее,
чем нашего всерусского наречья!
Я знаю, ты меня не пожалеешь.
Рубаху рву – убей!
Стелю постель я,
на стол кладу я пищу человечью.
Каким ты думаешь, скажи, восстаньем?
Войнами
какими, площадями и могилами?
Стоим мы под дождём, я русской мовою,
ты на украинском гуторишь, милая.

Мы под дождём,
под сквозняком да под ветрилами.
Как будто только родились: сырые, стылые,
в слезах кровавых. Пуповина не отсекута.
Сестра моя! Я без тебя бескрылая.
Сестра моя! И без тебя я смертная.
А смертным лишь руины, судьбы горькие,
а смертным, как известно, нет наследия!
Фундамент был у нас, была история.
Эпохи были! Эры! И столетия!
Теперь – минуты.
Но и их всего три горсточки.
Такая худенькая ты – платочек, косточки.
Кричишь, вопишь: не подходи, не трожь.
Тротил, да бомбы, да в кармане нож.
О, не убий! Не сдай! Не видь! Не слышь!
Мы под дождём, огонь, вода струится с крыш.
Хорош.

Обнимемся, родная, что уж там!
Коль есть предел всему среди сует.
Ты отвечаешь всем назло громам, сердцам.
Предела нет. Предела нет. Предела нет.

...проект закончился «мы враги»,
начался новый проект – «мы друзья»:
тогда расколосось в единый миг,
как будто бы треснул Евро-материк,
по нам острой бритвой скользя.

Осколки, осколки, шипы, ключья – вдрызг,
и гимн сочинила Настасья Дмитрук,
и слышались ропот, и хохот, и визг:
небратья, ни братья, недруг и ни друг!

Настасья, Настасья, настала пора,
по бабушку-Киеву ты мне – сестра,
сестра ты по матушке-граду Москве,
по Нижнему Новгороду – на – он твой!
Красивый такой.
Величавый такой.
Град-Горный – так Бильченко Женя зовёт.
Она мне – сестра! К нам вставай в хоровод!

Ещё есть сестра – помирились вчера!
Она мне сказала: «Иди, вот я! Здесь!»
Она мне желала не зла, а добра,
и сердце рвала –
я глухая была.
Она мне тянула Голгофский свой крест.

О, руки её! Ты видала в упор?
Вот так обнимать могут только сестёр.
Вот так целовать могут лишь васильки,
на мне платье синее – цветом под стать.
Ты знаешь, как может сестра целовать?
Ты знаешь, как может сестра обнимать?
Как будто крестить в две руки!

Вот этот момент: Хиросима в груди.
Сказала сестра: «Я вот – здесь: ты иди!»
Да я бы ступила с обрыва, с настил,
как в пропасть, прости, ох, прости!
Как мы неуклюжи, что стадо слоних,
коленки дрожат, да, мы с ней – из трусих.
На – поле пшеницы моё, чтоб растить,
на – зёрна,
на – птиц,
на – бери васильки!

Конечно, нам, женщинам, всем нелегко
даётся прощение, как сделать шаг?
Вот если с мужчиной поссорились, то
с ним можно в постель, и, мирясь, переспать.
А если страна со страной, то как?
У вас разве много Россий-Украин?

О, цветень,
о, лебедь, пшеничный мой знак,
о, как это просто: обнять, дай обнять.
Объятия – выход один.

И вот вы коснулись ладошки, руки,
а рядом вокруг васильки.
Васильки!

8.

Это было когда-то давно, ещё перед Пасхой,
хватаясь за спины, толкаясь локтями: Пустите,
пустите!
Когда умирал на кресте Иисус, что рождён
в овчьих яслях,
тогда мы нуждались с тобою, сестра, не в его ли
защите?

Да пропустите к нему, Он там был
до последнего вздоха,
и, когда Он дышать перестал, завопила поляна
своим горицветом. У нас с тобой общего много:
и одна на двоих там, что слева, кровавая рана.

Отрекаться нам как? Пропустите нас, добрые
люди!
А поляны истошно исходят цветочным нектаром.
Там не пульс на запястье, а словно ударило
в бубен.
И совпали – твоё и моё – два запястья ударом.

Не пускали. Одежда впивалась в шершавые
гвозди,
что торчали из балок. А поле – цветочные корчи.
Сестра, так бывает: друг другу с тобой передозы,
даже имя моё ни к чему вспоминать ближе
к ночи...

А по козьей тропинке пойдешь на вершину,
пробейся.
Словно блогер Уфимский – Рустам тот, который
Набиев,
ему покорился Эльбрус по пути к Эдельвейсу.
Он шёл на руках, продвигался, как мы не ходили!

О, как заболели предплечья его – да у нас вдруг
с тобою,
о, как мы носили икону одну к аналою.
В нас бились ветра, в нас толкались – спиной,
головой,
но двери закрыты! На ключ, на замки,
паранойи.

А после снимали Христа со креста. Как снимали!
О, как мы рыдали тогда, невозможно рыдали!
Похожие слёзы у нас. О, слеза, что немая,
слепа слеза, и глухая слеза, и больная.

Ужели нам мало? И снова нам мало. О, пей
молоко ты.
Особенно на ночь. Особенно сладко-холодным.
Воскрес наш Господь. О, как Он воскресал,
капли пота
на бледном челе. Как Он шёл, как Он шёл к нам
по водам!

По рыжим шёл водам, по синим шёл,
по скоморошьим!
Мальчишье лицо. На щеках золотые веснушки!
И мягкие божьи ладони...
точнее ладошки,
какой Он небесный. И пульс на запястье
кукушки!

Несёт Он хлеба из овса, из пшеницы проросшей,
несёт нам луга, где цветы, где пушинки и перья.
Когда Он воскреснул, Он помнил о всём, но
хорошем,
забыв про плохое. Но не подведи: Он нам верит!

9.

СЛАВЯНСКИЙ ТРИПОЙНТ

На границе – турецкая фура, шофёр отдыхает.
Здесь славянский трипойнт, здесь Чеховские
три сестрицы.
Посмотри, как светлеют, как будто темней нет
окраин.
Здесь меня накрывает, и я начинаю молиться.
Отчего ты, Господь мой, в тот миг побоялся,
не вышел?
Ты умеешь всюю управлять, можешь в трубы
ты Иерихона
воскричать так, что рухнут стальные небесные
крыши,
возопить так, что пыль полетит из огня и бетона.
Ты везде можешь, вся можешь! Песней народной,
ты, что русские братья, как русские сёстры
сплотиться
и запеть вместе с нами о том, как идти нам по
водам,
ибо русские мы – синий взгляд, обрамлённый
в ресницы!
Мы – пшеничное поле, овсяное поле, луга – мы!
Отчего ты не вышел, когда две сестрицы
ругались?

И кричала одна из Чернигова, я не сестра вам,
и она не хотела плести обереги из травниц.
Говорила – ни ватника вам, ни носков, ни ватина.
На ножи, на кинжалы, на петли вас,
на гильотины...
Ты пойми, ты пойми, я сама хочу в Ялту
и в Крым я,
но политика – дело не женское – с леса, вестимо!
Здесь дорога, развилка, здесь птицы белей
оригами.
И с тех пор во болящее сердце Руси пали камни...

У империй своя цель, едина, собраться,
скрепиться
и обнять так, что душат объяття, обвить
виноградом.
У империй глаголы: жар-птица, десница,
светлица,
на свои же окраины плакать, в свои же
тесниться!
– Сама садик садила, сама назвала его садом
и сама же убью его, если не будет в нём лада...

Но стоят три сестрицы, обнявшись, такая
громада!

Возле них на обочине фура стоит с кирпичами,
И шофёр по-турецки глаголет, о чём ни кричал
он,
мне обидно, обидно, ужели дошли до распада?
Словно бы до панели, шеста, до стрип-бара,
дичая!
Говорю снова, Господи, ты же нам три,
но в Одном ты!

Ты же можешь их всех замирить, лишь
попробуй!
Даже Лазарь воскрес, постучался, когда
в смертный дом ты
через воды, крещение, сквозь смерть или роды,
это проще, чем воздух, это легче, чем пух,
чем дремоты!

Мне хотя до утра бы дожить, сквозь века
до утра бы!
Вся дрожу.
Я хочу, чтобы снова с сестрою сестра,
чтобы вместе.
Я хочу, сделай, Господи, чтобы они так
в металле,
в серебре, злате, меди, граните и камне стояли,
ты же сможешь всё, Господи!
Здесь на пути, перекрестье...

Поговори со мной, сестра, молю тебя я!
Пока живая я.
Пока живая!
Пока мне больно: в чреве я таскаю
умерших птиц. Бескрайних птиц. Тех самых.
Пока я обряжаюсь в шизо, в сюрры,
пока ношу овечьи-волчьи шкуры,
пока на «о» могу я объясняться,
пока на «а» могу я по-московски,
пока кьюар мой проверяют на полоски,
на точки, на тире да на абзацы.
Поговори со мной, сестра, поговори же,
сестра сестре, кто может быть так ближе?
Крестьянка-бабушка, отец интеллигентный,
швея от мамы, театралка в тётку.
В одну с тобой попали турбулентность,
где на талоны крупы, мёды, водку.
Так соткан мир.
Не по-другому соткан.
Дно золотое. Дно берёзовой синицы,
где сказка о Салтане, о сестрицах.
О девочка моя, поговори ты
из этих звёзд, из неба, из причастья,
когда глотаю я с водой просвирки –
церковный хлеб: в тебя чтоб достучаться
через иконы, плачем и мольбою,
поговори, поговори со мною.
Что мне не страшно душой быть, паяцем,
горячею на ощупь, жаркой близко.
Я верю, камень может изъясняться,
и у него есть право, чтобы биться.

От мозаики Киевской Софии, от её суровых
секретов,
от лазоревого, лазурного, рыже-солнечного
исхода.
От «Города Солнца», от его идеального света
мощь, мудрость, любовь – всенародна.

Воссиянная! Соединяющая! С трепетом трепет.
И неважно, как шли, сколько шли, где плутали.
Я-то думала: пульс. Оказалось, в запястье – небо,
и неважно, какие фантомные были печали!
И какие всемирные боли... Лазурь да и только!
(Ты у мишки боли, бы у зайца боли, но не надо
у куклёнки моей, у сестрёнки моей, у дитяти...)
Дай подую на рану, на все пятьдесят ран, где
горько.
Да на все пятьдесят их оттенков твоих
скоморошьих,

если к ним прикасаться, они в золочёном сиянье!

Как на столб электрический лезть,
ты проверила кошки?

Ты проверила, лезвия
так же остры, так же пряны?

Ты же сильная, знаю. О, сколько в молчании
крика!

Разрывал этот крик, наш всеобщий, мембраны
вселенной.

И когда умирал крик твой-мой – восходил
Светлоликий,
я таких не слыхала убитых, но не убиенных.

У Распятия свойство – о, сколько ни плачь –
Весть Благая.
Я же помню, Володя толкнул, а я – враз пред
иконой
оказалась в Ея колыбели,
на донышке, словно слагая
мозаичный рисунок, трясясь в лихорадке,
со стоном.

А ещё – синий плащ, пурпур, тихий малиновый
отсвет
было всё в этом крике со встряски времён,
с изначалья.

В две груди разметался – единый! – в две оси.
И мотает меня до сих пор у оси ежечасно.

А новья-то, новья-то! Откуда его натаскало?
У меня было три сестры – Вера, Любовь
и Надежда.
Я – София твоя.
Ваша – я. Я для всех жарко-ало.
И вся я – сестра. И всему я – сестра,
как и прежде.

Говоришь, где-то пятая есть. Вот бы встретить,
хоть мельком
увидать, ненаглядную, вот бы нам всем
помолиться!
Говоришь: жемчуга.
Это правда! И в сердце – прицельно.
Из твоих рук я пью. Из твоих рук святую водицу.

Хорошо как рождаться!
Младенцы мы. Обе – младенцы.
Абрикосовы пяточки.
Розовые кулачочки.
И кладут нас с тобою обеих да на полотенце
и подносят ко батюшке, в лён завернув,
во сорочки. . .

Так случилось, сестра моя, так случилось,
сестра,
ты наряжала ёлку – я уколола палец,
я закипала слезами – плачем была ты щедро;
земли рождались тогда, солнце и луны рожда-
лись!

Так случилось, сестра моя, так случилось, сестра,
водами мы текли, родиной мы умирали,
кровью к тебе в венах шла завтра, сегодня, вчера,
дай за тебя отпою всех я могил печали:

всю пред-тоску, всю пред-стать,
всю пред-историю, ту,
что сквозь меня, до меня и до того,
как взвопилось,
что прикипало к нутру, что прикипало ко рту:
как мне из сердца достать мёртвые эти
«стихи.ру»?

Ибо я ей лишь жива. . .

Ибо она хочет пить:
пить до распухших желёз, пить до отёкших ног
столько,
ты мне всех кровней сестёр,
бы мне всех слаще вражин,
ты мне Батый и Мамай с волком.

Ты – мой ребёнок, сестра. Ты мой младенец,
родись!
Я – твой зародыш, роди! Выносила коль,
брюхата.
Я, как Венерина мысль, – я, как Венерина кисть,
срубленная давно
там, где была Эллада.

Мастер, кто нас изваял, мастер, кто нас сотворял,
даже не ведал – кто мы? Ибо за грани фантазий
он выходил. Он швырял под ноги материал,
плакал, скулил, вопил, прял, вырубал и красил.

Куколка ты моя! Бабочка ты! Стрекоза!
Царство моё – за коня, что на скаку остановим.
О, как мне снег (не слеза!) щёки до крови лизал,
о, как мне дождь (не слеза!) тело стегал
до крови!

Это медовый был мех.

Это пшеничный был стих.

Это был лекарь немой и повитуха, но всё же
было дитяти моё! Маленькое! Из кости,
из человеческой любви, плоти, из крика, из кожи.

Вырос – и стал талисман.
Вырос – и стал золотой.
О, исцелите его лекари, бабки, цыгане!
В Крестный я путь за него каждой ползу запятой,
рук нет – на пузе ползу,
правд нет – ползу на обмане.
Так случилось, сестра моя, так случилось,
сестра,
крепко обнимемся мы, нам, не обидевшим
мухи,
спины пришлось подставлять злу, что целебней
добра,
ибо слепой зрячей нас,
ибо кто слышали – глухи!
О, как ловила я их – боли, ушибы, толчки,
ибо не падала я, враз у иконы сползала,
как в послесмертии я:
– Мамочки, ой, мамочки-и!
Птицы взлетали с лица жадно, изюмисто, ало!

13.

Не сойти бы в ад, сестра моя, не сойти бы в ад!
В то время, когда живоносное тело Владыче
кладут во гроб.
Подпирают большой каменицей сей мрак и хлад.
Но слова воспаряют: и слово уластило рот!
Вот держу твою руку, она, как листок, тонка.
Вот держу твою руку, и худенькая рука
мне становится крепче опоры, гранита, земли.
Не сойти бы во ад. Ибо пятница. И все сошли.
Афанасий Святитель напишет, да так, что в пол,
на колени пред словом Сошедший во ад сошёл:
непорочное тело во гробе, душа и дух,
благовонное тело Господне пропето вслух,
бесконечное тело Господне не мнит разлук,
ибо музыка – тело, легчайшее, словно пух.
Ты пропела ему колыбельную ради Христа,
где защитник Христос Иисус твоего живота.
По ступенечкам вниз, по шершавым холодным
во ад,
чтоб явиться спасительным словом, сияющим
над
бестелесием душ, находившимся там, в аду:
«Мы видали се тело во гробе, во снеге, во льду...»
Афанасий Синайский напишет – сгорела душа,
отделилась от тела, ушла, как навеки ушла,
что свеча обожжённая и воссияла вдруг там:
обнажённое тело,
что в лампе горящий вольфрам.
Ты же помнишь, сестра, освещенье в домах,
что свеча:
эти лампы зовутся у нас лампами Ильича.

Епифаний, что Кипрский сказал-воссиял
и пропел,
что так души людские отходят вольфрамно от тел.
Воспоём самой светлой седмице тропарь:
«С нами Бог, с нами счастье,
отчества Божий алтарь!»
Как Иона был в чреве кита Он три ночи, три дня,
так и Сын Человечий был в звёздной пробирке
огня.
И Спаситель сказал: Совершилось!
И тьма в тьму сошла.
И нагрнули пушки. Огонь. И война. И зола.

Я держу твою руку. Тугую ладошку твою,
то ли листик кленовый, то ль цветик дубовый
с пятью,
словно смайлик ли, зверик – пять пальцев.
И не отпущу.
Плащаница синее, а после окрасится в мшу.
Сколько шариков детских, воздушных,
предмайских на ней:
плат льняной,
плат шелковый,
плат синих теней,
по три нити поверху, понизу – такое тканье.
– Осторожно по лестнице! Вниз по ступенькам,
бабье!
Будем штопать и шить, вышивать и вязать всем
платки,
ибо смерть-бессмертье – сцепили свои кулаки.
«Пробирались друг к другу...» – ты пишешь,
колючки туги,
Пробирались друг к другу, ни света не видя,
ни зги.
Да по этим ступеням! Ещё бы немного и – ад,
где убийцы, блудницы, воришки,
где вещей распят,
кровожадные звери клыками рвут брентную
плоть
и куски отрывают мясные ломоть да щепоть.
Нет духовная смерти!
И мрак разгоняется в свет.
...Поднимаемся выше над сводом неверящих лет!

14

Такие тяжкие времена, и надо за них хлопотать,
выкладываться всем до дна, ниже дна
и не пожалеть живота.

За братьев мы плохо молились с тобой, а хуже
всего за сестёр,
туман, пелена, сизый сумрак рябой,
весь город – ледовый костёр!

Но больше за всех ты «небратьев» молишь
и жарче за злейших врагов:
убитый, воскресший, без слёз и без виз,
без рук обнимая, шагая без ног!

Свинцовые крылья легки – в каждом смерть,
пудовые гири и камни в груди.
Мы плохо молились за тех, кто нам
«геть, отсюда, – орал, – изыди!».

Так плохо молились, что горло в крови.
Так мало любили, с ума что сошли.
А надо, а надо молить, и молить по двадцать
четыре часа в день – бои!

Стоять по колено в болоте, в грязи,
и в жиже, и в каше среди русских зим!
Молись, если выстрелом метишься в цель,
ори над убитым и снова молись!
Запомни, что не человек ты – прицел.
На нас небо падает камушком вниз!

Уже ничего не вернуть. Только в грудь
такие ветра не унять, не задуть.

Плохая сестра, но она мне – сестра.
И брат никудышный, но всё-таки брат.
И это, поверь, не игра! Не игра, где можно
поставить не шах, если мат.

Убитый убитому что мог сказать?
За что, отчего? Брось, прошу, автомат!
Быть братом не просто. Не просто сестрой.
Война это, брат!

15.

Это не слёзы, сестра, это дождь, снег, метель,
дождь прирос к моей коже воистину
нижегородский,
снег проник в мои кости, как пряжи старинной
кудель,
из реальности это, не сказки про лёд и морозко.
Мне страданья остались, а слёзы я стёрла со щёк,
и сама я, как голос того разбомблённого храма,
и как будто я сжалась в старинный сухой
образок,
ты же знаешь, как нынче стреляет в нас «хам-
мер»!
Говорю без патетики, скепсиса
и без сусальности я,
без пятнадцати капель для сердца
сухой валерьянки,
без надежды с надеждой, тез тупости и острия,

не об этом с тобой говорили, не с этой изнанки!
Выворачиваться надо было не так, чтоб уста
лишь одни оставались,
а горлом заглатывать звуки.
До себя ли сейчас? И до мелкого ли?
Перестань.
Вся Россия в горниле, в плавильне, в молебне,
в разлуке.
Ибо пальцы на темени, шее истории,
а мы все в ней.
В переплавке. И тигель, как сердце,
горит в общей массе,
мне кровавающим зреньем на землю смотреть
всё больней,
в её угольном солнце меня и трясёт и донбассит!
Неужель под разрывами мин мне тебя
не любить?
Словно мама-София да Люба, Надежда и Вера?
Ты поверь, мне сейчас ни к чему твои руки,
ключицы и лбы,
мне связать бы носки для солдат из подшёрстка,
мохера.
И не ранены слёзы: они изменились, как все,
словно вкус винограда на жёлтый лимон
самогонки,
словно дамские туфли на берцы и велосипед,
словно женские юбки на брюки, на бронник,
футболки.
Стало жёстко и грубо, не гардемарины, месье,
а тюки, что с водой, и мешки с тесной
гуманитаркой
и ещё детских писем сбор, а не писаний себе.
И когда я иду, то становится в куртке мне жарко.
Ничего не имеет значения, кроме других
и иных,
наклонённого Блока, что в Питере, и генерала,
что в Мариинском парке снесён, а ещё
Нестор-мних,
остальное я слышать всем нынешним слухом
не стала!
Я хочу, чтоб вернулось опять на свои всё места!
Города – в города, не в пустыни, где вырвано
горе,
точно так же, как в детстве, когда досчитаешь
до ста
и волнуется море.
Но вокруг ходит смерть, в каждой улице, доме,
семье,
ходит так, как Христос, Магомет, Ленин,
Зевс или Будда.
И до тех пор, пока не прогоним с земли мы своей
эту новую нечисть, я, зубы сцепив,
драться буду!